

ЛЕШКА

Лешка мечтал о небе. О живом и добром, послушно покоряющемся его сильным рукам. Лешка бредил планерами, самолетами и парашютами. Он страстно желал стать летчиком.

Однажды Лешкин отец пришел с работы, неся под мышкой какой-то сверток. Лешка как раз в это время сидел на крыше и мечтал о крыльях.

– Были бы у меня крылья, я бы смог полететь в это такое близкое сейчас небо.

Тут Лешка вспомнил, что, когда он учился в гимназии мадам Алексеевой, учитель Закона Божьего, старенький батюшка отец Николай, говорил им:

– Все, чего ни попросите у Бога с верою – получите.

И Лешка решил попробовать.

- Может быть, Бог пошлет мне крылья, если я очень Его попрошу? Только вот как попросить? – думал он. – И что это такое «с верою»? Розалия Семеновна говорит, что попы обманывают народ. Отец Николай был поп. Значит, он – обманщик. И никакого «с верою» нет? А вдруг есть? Ну ладно, попрошу. Просто возьму и попрошу.

И он попросил:

- Бог, пошли мне крылья.

Потом немного подождал, прислушиваясь к тишине, и добавил на всякий случай:

– Пожалуйста.

Он еще немного подождал, но опять ничего не услышал.

- Наверное, крыльев у Него нет, – вздохнул он.

Лешка сделал неопределенный жест рукой, как бы рассуждая сам с собой, и продолжал:

– Ну и ладно. Если крыльев нет, то, может быть, есть воздушный змей? Змей будет летать высоко-высоко, он будет моими крыльями.

Лешка даже закрыл глаза, представив, как он восседает на змее и летит, летит все выше и выше, все глубже погружаясь в ослепительную синеву. Змей машет крыльями все сильнее и сильнее и поднимается так высоко, что Лешке становится страшно. Но змей ничего не боится и, поднимаясь еще выше, ласково подбадривает оробевшего Лешку:

– Лешь, слезай! Я с работы пришел.

Увидев отца, Лешка кубарем скатился с крыши, и... вместо привычных объятий, пахнувших табаком и таким родным отцовским потом, он уткнулся в нечто очень странное, завернутое целиком в полупрозрачную бумагу, похожее на какое-то диковинное дерево с торчащими в разные стороны треугольными ветками. Через обертку просвечивались какие-то палочки и веревочки, а на треугольных «ветках» виднелось что-то извивистое, отливающее иссиня-черным.

– Вот, Лешка, смог, наконец. Ты знаешь, как, брат, нам с тобой сейчас трудно живется. Китаец на углу Молочаевской всегда продает. Я почти каждый вечер, как шел с работы, останавливался около него, приценился да любовался. А сегодня он сам меня окликнул: «Давай, – говорит, – товалиса, бели, в два ласа десевле плодам». Ну, я и взял...

Хрипловатый голос отца был полон такой радости и нежности, что у Лешки на глазах сами собой появились соленые капельки. Лешка стоял и не мог сдвинуться с места, ошеломленный любовью отца, истратившего последние деньги на его мечту. И красотой китайских драконов, таинственно выглядывающих из-под пергаментной бумаги. И неожиданностью совершившегося. И, наконец, самым странным и непостижимым – чудом так быстро исполнившейся молитвы, от которого мороз пробежался у него по коже маленькими пупырышками. А предательские капельки не захотели оставаться там, где и положено было им, а весело побежали вниз, оставляя извилистые чистые следы на похожих на кожуру персика чумазных Лешкиных щеках.

– Папа, папа, ты не переживай, я могу целый месяц не ужинать. Ты теперь, когда пойдешь с работы, ничего не покупай на ужин - мы поьем с тобой водички, да ляжем спать, а утром Бог что-нибудь пошлет. Ты же сам вспоминал поговорку твоего отца: «Будет день – будет пища».

Лешка обнял загорелую отцовскую шею своими не менее загорелыми руками и крепко прижался к слегка царапающейся щетине...

Отец в прошлом был военным. Мама времени Лешкиного малолетства (которую он представлял себе почему-то только по фотографиям, стоявшим на папиной этажерке) говорила ему, странно удлиняя букву «л»:

– Твой папа, Л-л-лешенька, кавал-л-лерист и скачет сейчас где-то на войне на л-л-лошадке.

На этажеркиных фотографиях мама всегда была снята с папой. Она была то в белом подвенечном платье с красивыми кружевами, то в длинной вязаной накидке, окутывавшей маму с головы до ног, то в старинном капоре, изящно окаймлявшем роскошные белокурые мамины волосы. Папа то курил трубку и сидел вместе с мамой на старинных плетеных креслах с завитушками на берегу залива. То стоял рядом с мамой на венчании в церкви в красивом мундире с галунами и аксельбантами. А то в атласном, подпоясанном кушаком, халате лежал на старинном диване и с любовью глядел на маму. Фотографию, где папа изображен в мундире, он вынимал из ящика стола и ставил на этажерку очень редко. В эти минуты отец был как-то особенно задумчив и рассеян, отвечал на вопросы невпопад или вообще не отвечал. Лешка думал, что это из-за того, что папа грустит о маме. Когда Лешка повзрослел, выяснилась и другая, не менее веская причина. Ведь папа был офицером и воевал на Германской войне. А всех царских офицеров, не ставших красными военспецами, после революции «вывели в расход». И, хотя потом отец воевал на Гражданской, рассказывать о войне он не любил и на Лешкины вопросы о том времени отвечал очень кратко

и скупое, быстро переводя разговор на «штатскую» тему. А если Лешка спрашивал про войну, отец мрачнел, глаза его становились темными и какими-то далекими и совершенно чужими, он характерными движениями левой руки осторожно гладил место под нагрудным карманом рубашки и надолго замолкал. Лешка в это время принимался читать какую-нибудь книжку или что-то мастерить, а то просто выходил во двор. Он знал, что в такие часы папу лучше не трогать, и его любящее сердце изнывало от непонимания и сочувствия. Немного позже Лешка услышал от единственного оставшегося в живых папиного друга, тоже бывшего офицера, что в Красную армию отца заставили идти под дулом нагана. И он горько сожалел, что нарушил присягу, которую давал Государю Императору Николаю Александровичу, и не выбрал мутную грязно-красную жижу на дне наскоро выкопанной в мерзлой земле ямы, где навсегда остались лежать его боевые друзья-офицеры. Лешка любил отца и переживал вместе с ним, но никак не мог понять, как можно сожалеть из-за нарушения присяги этому «кровопийце и душителю свободы трудового народа», как говорит Розалия Семеновна. Вот товарищ Сталин – это совсем другое дело. Это – всеми любимый вождь и отец. Ему салютуют проходящие по Красной площади конники. Его имя составляют из самолетов в небе летчики. Его, как огня, боятся всякие вредители и враги народа, которых что-то очень уж много развелось вокруг. Обо всем этом Лешка узнал из газет, которые Розалия Семеновна читала им в классе каждый день. Он даже решил, что когда вырастет, обязательно уничтожит всех врагов товарища Сталина. Он просто расстреляет их со своего самолета. И пошлет товарищу Сталину телеграмму: «Не беспокойтесь, товарищ Сталин, все враги трудового народа и Ваши уничтожены. Спите спокойно, товарищ Сталин. Рапортовал летчик-герой Климов Алексей Алексеевич».

Не так давно Лешка вместе со всем классом и, наверное, со всей школой, писал сочинение «Как я люблю товарища Сталина». Он тогда написал, что любит товарища Сталина за его красивую фуражку с красным околышем и большие черные усы, почти как у Тараса Бульбы. Розалия Семеновна тогда тщательно зачеркнула Тараса Бульбу и сказала, что если еще когда-нибудь Лешка вздумает сравнивать товарища Сталина с Тарасом Бульбой, она, член ВКП(б) с 1917 года, заявит на Лешку и его отца «куда следует». При этом Розалия Семеновна многозначительно подняла кверху палец. И, вообще, надо разобраться, откуда у Лешки такие мысли и кем был его отец до 17-го года. Лешка тогда очень испугался и стоял перед Розалией Семеновной пунцовый, как красный флаг, который их управдом Афанасий Силуанович обязательно вывешивал перед каждыми майскими и ноябрьскими праздниками. Во дворе болтали, что Афанасий Силуанович до революции был хозяином их дома, но Лешка этому не верил. Хорошо, что разговор с Розалией Семеновной происходил после уроков, и ребята не видели, какой испуганный вид был у Лешки. Ведь все ребята хорошо знали, что отец Алеши Климова, отважный

конармеец, бесстрашно рубал беляков в «гражданку». И очень уважали Лешку и его отца. А если бы они знали... Но этот секрет Лешка никогда никому не расскажет! Ведь в ящике отцовского стола красуется настоящий браунинг! А на рукоятке браунинга - полированная стальная пластина, на которой сияет дарственная надпись: «Помначштаба 3-ей дивизии Климову А. Ю. Командарм Буденный». Как хотелось Лешке показать этот браунинг ребятам! Ведь сам товарищ Буденный Семен Михайлович, Командующий Первой Конной Армией, подарил его папе. Тогда не только все во дворе и в школе еще больше уважали бы Лешку и его отца, но и Розалия Семеновна, член ВКП(б) с 1917 года, больше никогда бы не грозилась заявить на них «куда следует». А еще лучше было бы, если бы папа разрешил Лешке иногда пользоваться браунингом. Когда Лешке это будет необходимо, конечно. Ведь Лешка будущий летчик-герой. И ему необходимо, ну просто необходимо, иметь личное оружие. Но папа строго-настрого запретил Лешке даже думать о браунинге. И Лешка твердо знал, что он никогда не нарушит папиного запрета. Лешка очень любил папу.

Маму Лешка тоже очень любил. Он не мог понять, зачем маме нужна эта «свободная жизнь», ради которой она оставила их вдвоем с папой. И даже ни разу не навестила с тех пор, как они стали жить в этой маленькой комнатке их похожего на обгрызенный парус грязновато-серого дома. Мама хотя и была из священнической семьи и носила девичью фамилию Дьяконова, но уже тогда, когда папа познакомился с ней, слыла немного легкомысленной девицей, и папин отец, дедушка Юрий Юрьевич, долго не соглашался дать благословение на этот брак. Даже на венчание дедушка не пошел, сказав: «Долго жить они не будут». Так оно и вышло. Вскоре после рождения Лешки грянули одна за другой две революции, и мама, заявив, что все теперь свободны и могут жить так, как им хочется, оставила Лешку только что вернувшемуся с Гражданской войны папе. А сама стала жить у своих друзей Льва Аркадьевича и Саломии Самуиловны, носивших странную фамилию Друн. Друны выделили маме в своей большой квартире прелестную, обитую нежным зеленовато-жемчужным ситцем комнату. И мама начала жить в ней своей «свободной жизнью»...

Лешка осторожно освободился из папиных объятий:

- Пап, ты на меня не обидишься?

Жалобный голос Лешки стер радостную улыбку с усталого отцовского лица.

- За что?

- Мама ждет меня сегодня на ужин. У нее будут гости, и она хочет, чтобы я с ними познакомился.

- Ну что ж делать. Конечно, иди. Я не обижусь.

Отец как-то весь обмяк, грустно улыбнулся и, по-стариковски сгорбившись, пошел домой, небрежно неся под мышкой пергаментный сверток.

Сердце Лешки разрывалось от жалости и любви, от почти непреодолимого желания побегать вслед за отцом... Но ведь он обещал маме. Она будет ждать. И если Лешка не придет, может быть, так же сильно расстроится и будет плакать... Нет, как ни жалко папу, он все-таки пойдет к маме. Совсем ненадолго. На полчаса.

- Пап, я скоро приду! – напрасно стараясь придать своему голосу невозмутимость и бодрость, крикнул Лешка и выбежал на улицу...

В расписанной яркими изумрудными цветами и наполненной запахом французских духов и дорогого табака комнате на старинных плюшевых креслах и диванах сидели диковинные дяди и тети. Их диковинность заключалась, прежде всего, в их лицах. Лица эти имели совершенно одинаковое выражение и показались Лешке похожими на лицо китайского болванчика, стоявшего у папы на этажерке. Глаза на этих лицах горели каким-то мрачным лихорадочным огнем. Причем этот огонь то потухал, то разгорался с ужасающей силой. А рот постоянно кривился не то в насмешливой, не то в многозначительной, все понимающей и все прощающей улыбке. Наряды у них были под стать их лицам. Некоторые мужчины были в черных пиджаках с длинными хвостами. Потом, когда Лешка посмотрел фильму про дореволюционную жизнь, он узнал, как называются эти хвостатые пиджаки. Хвораки. Так их называла соседка тетка Дарья. Другие были одеты в заплатанные рабочие косоворотки и заправленные в сапоги цветастые штаны. Из-за голенищ сапог выглядывали какие-то листки. Время от времени кто-нибудь из «цветастых» нервным движением руки вытаскивал листки и, закрыв глаза и запрокинув голову назад, начинал заунывно, нараспев читать показавшиеся Лешке совершенно бессмысленными стихи.

Для чего, когда и как,
Почему и отчего,
Гениальнейший чудак
Выбрал это ремесло!
Для чего и почему,
И по праву, по какому,
Не могу сказать ему,
Чтоб ушел с моёва дому.
Пожалейте вы меня,
Парня полугородского -
Посадите на коня
И отправьте в полшестого.

Конец каждого четверостишия выступавший резко выкрикивал, потом открывал глаза и обводил комнату томно-удивленным взглядом. Он как бы спрашивал присутствующих: «Откуда вы все здесь взялись и почему не поднимаете меня на руки и не несете в туманную даль». Лешка никак не мог

понять, почему никто не приводит коня и не сажает на него Цветастого, хотя полшестого уже давно прошло.

После каждого выступления некоторые дамы, истерически взвизгнув, падали в обморок. Другие, обмахиваясь веерами с экзотическими цветами, в один голос восклицали: «Это - настоящая, это - сверхнастоящая поэзия! Как он гениален, как он безумно гениален!» Великолепная мамина коса, уложенная в замысловатую прическу со сверкавшими как бриллианты головками заколок, грациозно плыла над этими табаками и стихами, духами и обмороками. Она была похожа на огромный белый океанский лайнер, гордо возвышающийся над бушующим где-то там, далеко внизу, морем и сияющий всеми своими огнями. Лешка сразу отметил, что ни у кого здесь нет такой красивой прически. Мама предлагала каждому гостю взять с изящного серебряного подноса какой-нибудь экзотический фрукт или кусочек испеченного мамой собственноручно пирога. Потом Лешка узнал, что и наряды некоторых дам тоже были сшиты мамиными умелыми руками.

Некоторые фрукты Лешка видел впервые. Например, эту, похожую на гранату-лимонку, большую грушу. Мужчины не сводили с мамы восхищенных взглядов, а дамы, закатывая куда-то под небеса глаза и растягивая рот так, что он становился похожим на клюв птицы (при этом они сами становились похожими на какую-то странную и очень противную птицу), очень уважительно обращались к маме:

– Олимпиада Саввишна, какой прелестный пирог Вы испекли! Его запах напоминает мне аромат райских цветов!

– Дорогая, эти райские фрукты так прекрасны! Особенно вот э-э-этот анана-а-с!

– Олимпиада Саввишна, позвольте мне взять во-о-н тот кусочек анана-а-а-са.

При этом «н» они произносили настолько в нос, что нельзя было понять – «ададаса», «абабаса» или «ататаса» они просят.

– А у меня, о, прекраснейшая Олимпиада, вкус этого восхитительного пирога ассоциируется в таинственной глубине памяти древнейших поколений со вкусом плода, который вкусила моя пра-пра-пра– ну и так далее – бабка Ева. О, божественная, позвольте Вашу восхитительную ручку! – пророкотал хрипловатым баском один из сидевших недалеко от Лешки мужчин и стал жадно целовать мамину руку, начиная с кончиков пальцев и кончая оголенными плечами и шеей.

Лешке стало страшно обидно за папу, который в глазах Лешки ни в какое сравнение не шел с этим брюхастым, слюнявым и прыщавым блондинчиком. Мама вздыхала, нервически улыбалась и так же, как и другие дамы (но гораздо красивее), закатывала глаза и восклицала:

– Ну что Вы, Викентий Апполонович!

И шла к другому гостю. Там повторялось примерно то же самое.

Лешка закрыл глаза и представил, как папа в буденовке, на огненно-рыжем коне, влетает в комнату и срубает голову отвратительному блондинчику.

Мама подплыла к Лешке и тихо, так, чтобы не слышал никто из гостей, сказала:

– Л-л-лешенька! Уже поздно, беги домой, мил-л-ленький.

При этом она, как-то странно потянувшись всем телом, посмотрела куда-то в сторону. Проследив за маминым взглядом, Лешка увидел того самого брюхастого блондинчика, которого мама назвала Викентием Апполоновичем. Блондинчик пожирал маму своими красными совиными глазами. Мама, забыв про Лешку, вся подалась в сторону Викентия Апполоновича, не спуская с него широко раскрытых таких родных маминых глаз. Выражение, с которым мама смотрела на ненавистного блондинчика, стало таким незнакомым и страшным, что Лешка тут же юркнул в дверь и убежал домой, к одиноко сидевшему за своим столом папе.

– Папочка, родненький, не нужна нам мама, мы и без нее хорошо живем, ведь правда?

Отец прижал Лешину голову к своей широкой груди и задумчиво сказал:

– Не все так просто, сынок. Ложись лучше спать.

Лешке не хотелось спать, но чтобы еще больше не расстраивать папу, он послушно разделся и лег. Сон не шел к Лешке, и он хорошо видел, как папа, оглянувшись (в этот момент Лешка изо всех сил зажмурил глаза), вытащил всегда лежавший у него в потайном кармане ключ и открыл ящик стола. Лешка думал, что папа вытащит фотографию, на которой они с мамой стоят на венчании, но ошибся. Свет старенькой настольной лампы на папином столе не шел ни в какое сравнение с ярким светом огромной люстры в маминой комнате, но Лешка все же успел рассмотреть, как папа бережно разложил на столе тускло блеснувшие георгиевские кресты и еще какую-то маленькую бумажку. По окаймлявшим бумажку зубцам Лешка догадался, что это почтовая марка. Поглаживая черно-оранжевые ленточки, отец с какой-то особенной нежностью смотрел на марку...

Эту марку Лешка видел в ящике отцовского стола, который папа однажды забыл закрыть. В тот день, вернувшись из школы, Лешка заметил чуть-чуть выдвинутый ящик. Выдержать искушение было выше Лешкиных сил. Марка лежала на самом верху, и с нее пристально смотрели удивительные серые глаза какого-то военного. Лешка не сразу догадался, что это дореволюционная марка с портретом Царя. Тогда-то и узнал Лешка про браунинг. И тогда же папа строго запретил Лешке кому-нибудь рассказывать о содержимом ящика.

Лешка не заметил как заснул. Во сне он сначала аккуратно брал двумя пальчиками кусочек груши-лимонки с маминого серебряного подноса. Потом вместе с папой совершал геройский подвиг на Германской войне. А потом стоял на вытяжку перед папой, награждавшим его сияющим Георгиевским крестом. Отец почему-то был в великолепном, расшитом золотом, мундире и смотрел на

Лешку каким-то странным взглядом. Очень ласковый, этот взгляд был не похож на взгляд отца. И вообще это был вроде бы и не отец. Лешка подумал:

- Кто может награждать Георгиевским крестом? Наверное, только Царь.

И тут он узнал лицо Царя с почтовой марки. Царь оказался вовсе не кровопийцей. Он не только не собирался душить Лешку, но даже ласково погладил его по голове. Как будто Лешка был вовсе не Лешка, а любимый и единственный Царский сын. При этом очень добрые страдающие глаза смотрели на Лешку так пронзительно нежно и с такой отеческой любовью, что Лешка не выдержал, отвел взгляд и заплакал.

Последним сном, который снился в эту ночь Лешке, был все-таки сон о маме. В этом сне Лешка, защищая маму, разряжал папин браунинг в отвратительно-толстое брюхо прыщавого блондинчика Викентия Апполоновича...

Лешка открыл глаза и ошеломленно уставился на окно. Только что на него с ужасом смотрели широко раскрытые совиные глаза брюхастого блондинчика, а теперь ему из оконной рамы с облупившейся краской отечески улыбался товарищ Сталин, перечеркнутый какой-то полосой. Полоса вся была в бурых кровавых потеках и закрывала товарищу Сталину один глаз, отчего товарищ Сталин стал похож на настоящего пирата, а улыбка из-под таких знакомых товарищесталинских усов казалась страшной и даже зловещей. Сквозь бурые пятна на полосе проступали немного стершиеся черные буквы: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Лешка помотал головой, потер кулаками глаза и опять взглянул на окно. Видение не исчезло. Тогда он вскочил и подбежал к окну. Над крышей соседнего дома парил в воздухе поддерживаемый двумя аэростатами громадный портрет вождя. Взглянув на давно немытое окно, Лешка все понял. Он вспомнил, как расстроился папа, когда, придя с работы, увидел, как Лешка пытается окровавленными руками заклеить нечаянно разбитое им окно. Папа, конечно же, сразу стал искать йод и бинт. А когда забинтованный Лешка был уложен на папин диван, клей уже намертво скрепил аккуратно вставленные Лешкой осколки толстого, еще дореволюционного, оконного стекла и испачканную Лешкиной кровью полосу старой газеты...

Тут Лешка увидел вчерашний папин подарок. Из головы его сразу же улетучились и Царь, и товарищ Сталин, и даже блондинчик. Одна мысль владела теперь Лешкой...

Распаковать змея было не так-то просто. Лешка довольно долго пыхтел и сопел, прежде чем окутывавшая сверток полупрозрачная, вкусно хрустевшая под пальцами пергаментная бумага открыла его взору диковинную смесь из палочек, полочек, разрисованных китайскими драконами перепончатых с бахромой крыльев, длинного разноцветного хвоста и огромного клубка настоящей пеньковой бечевы.

– Ух, ты! – восхищенный возглас соседа Витьки вывел Лешку из оцепенения.

– Здорово! Ты когда-нибудь запускал воздушного змея?

– Не-а.

– Я тоже.

– Давай сначала соберем.

– Давай! – и они принялись осторожно расправлять нежно трепетавшие под их руками стрекозиные треугольники крыльев и приятно щекотавшие пальцы завитушки хвоста.

Когда все части были с заботливой осторожностью разложены на полу, Лешка недоуменно уставился на змея и на клубок бечевы, задумчиво переводя взгляд с одного на другое.

– Куда ж ее прикреплять?

– Чего?

– Бечеву.

Витька старательно почесал затылок.

– Вот оно! – наконец догадался Лешка и, торопливо схватив конец бечевы, начал привязывать его к маленькому колечку, спрятавшемуся под основанием змеевого хвоста.

Когда все было готово, ребята, осторожно обхватив с двух сторон неповоротливую конструкцию, важно вынесли ее во двор. Во дворе никого не оказалось, и они, не спеша, направились к большому пустырю, распахнутому свое гостеприимное (особенно для мальчишек) поле через два дома от Лешкиной трехэтажки.

На пустыре тоже никого не было, и Лешка с Витькой, аккуратно расправив змеевы крылья и хвост, побежали, все убыстряя бег, от одного угла пустыря к другому, таща за собой на бечевке хвостатого красавца. Змей встрепенулся, как живой, и легко взмыл ввысь. Он так быстро стал набирать высоту, что Лешка, по праву хозяина завладевший бечевой, не успевал разматывать клубок. Бечева живой, туго натянутой струной, стремительно выскальзывала из рук, обжигая крепко обхватившие клубок Лешкины пальцы.

Змей под восхищенными взглядами мальчишек уже превратился в маленькую хвостатую точку, реющую в непостижимой глубине бездонного неба, а бечева в руках Лешки все продолжала разматываться. Наконец, пеньковый, ставший совсем маленьким клубок перестал ошалело метаться в онемевших Лешкиных ладонях, а змей, успевший к тому времени превратиться в еле заметную точку на небосводе, неподвижно застыл на одном месте, напоминая перепутавшую день с ночью звезду...

Лешка приоткрыл один глаз. Правый. Левый почему-то не открывался. Да и одноглазая картинка тоже не особенно обрадовала Лешку. Лешкина с папой комната вся была в радужных пятнах и как-то странно кружилась вокруг какого-то невидимого и одного ей известного центра. Лешка стал вспоминать. Вот они с

Витькой бегут со змеем по пустырю... Вот туго натянутая бечева поет в Лешкиных руках... Вот змей парит высоко-высоко, похожий на дневную звезду, и Лешкиному счастью нет конца... Потом все обрывается, серая беспросветная мгла окутывает все, и не хочется даже вспоминать. Нет, солнце не погасло. Оно продолжало также ярко и весело светить. Только дневная звезда змея, так радовавшая Лешку, вдруг как-то странно дернулась на небосводе и начала быстро скатываться вниз, как будто она набрала целую пазуху ворованных яблок, и за ней гнался сторож с двустволкой, заряженной солью. Так у Лешки было один раз на даче у дедушки Юры в Векшино. Тогда Лешка несся, пожалуй, побыстрее этой неудавшейся звезды. Но сейчас ему было не до этого случая. Только что звеневшая, как тетива туго натянутого лука, бечева бессильно обвисла и, свертываясь в какие-то замысловатые старинные письмена, стала безвольно оседать на землю. Змей сначала сильно вырос в размерах, но потом стал уменьшаться и удаляться, пока совсем не скрылся за уходившими за горизонт пустыря огородами и заборами. Лешка и Витька со всех ног побежали за ускользящей звездой, не разбирая ни дороги, ни заборов, ни чьих-то заботливо ухоженных грядок. Когда они с большим трудом преодолели эту посылающую им вслед все, что только можно пожелать, полосу препятствий, перед ними выросла другая, еще более непреодолимая. Забор. Огромный. В два витькислешкиных роста. Лешка решил не отступать. Тем более, что цель, казалось, была уже близка. Он быстро приставил Витьку к забору и вскарабкался на его плечи. Подтянуться и перепрыгнуть на ту сторону оказалось не так уж трудно. Когда Лешка выпрямился, прямо перед собой он увидел своего красавца-змея. Змей почему-то сам собой висел перед Лешкиным лицом, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Потом змей стал потихоньку удаляться от Лешки, а Лешка разглядел руки. Обыкновенные мальчишеские веснушчатые руки. Эти руки вдруг подняли змея и кинули его куда-то назад, а сами сложились в два огромных кукиша, выросших пред самым Лешкиным носом. Лешка поднял глаза. Перед ним стояли три здоровенных парня, наголову выше его, и нагло ухмылялись. Лешка не успел опомниться, как один из парней врезал ему прямо в глаз. В голове у Лешки вдруг что-то зазвенело и ему стало так хорошо, что он даже не хотел подниматься, когда пришел в себя. Последнее, что он помнил - это почему-то плоское лицо тетки Дарьи, удивленно-жалостливо смотревшее на него, когда он медленно поднимался к себе на третий этаж.

Покончив с воспоминаниями, Лешка вскочил и подошел к старому, в мутных разводах, большому зеркалу, висевшему в углу между папиной и Лешкиной кроватями. Папа говорил, что это его наследство от бабушки Веры, происходившей из старинного рода. Зеркало таинственно выглядывало из черной резной рамы и отражало плоскую Лешкину физиономию с сине-фиолетовым мешком, почти закрывавшим левый глаз. Долго рассматривать эту красоту Лешка не стал. Он подошел к умывальнику и стал осторожно умываться. Никаких мстительных мыслей в голове у него не было. И никакой жалости к себе тоже. Лешка решил не унывать и

спокойно жить дальше. В прошлом году Витька подрался с Сенькой Макаровым из-за настоящего царского десятирублевика, который они нашли в высохшей после дождя луже. Глаз тогда у Витьки был почище Лешкиного, а через две недели даже и следа не осталось.

А насчет крыльев – Лешка не сомневался, что рано или поздно крылья у него будут. Не удалось полетать со змеем, полетает на настоящем самолете, и, может быть, даже спрыгнет с него на настоящем парашюте. Ведь стоило ему только попросить, как Бог тут же дал ему змея. Значит, даст и самолет. И парашют. Лешка опять вспомнил старенького батюшку отца Николая из гимназии. Отец Николай говорил им, еще совсем несмышленным гимназистам, что надо не только просить Бога о чем-то совершенно необходимом, но и научиться ждать. Бог, несомненно, услышит прошение, но даст только тогда, когда сочтет нужным и полезным для того, кто просит. Сейчас Лешка еще маловат, чтобы летать на самолете и прыгать с парашютом. Поэтому Бог и не дает. Пока.

– Бог, когда я подрасту, дай мне полетать на самолете и спрыгнуть с него на парашюте. Пожалуйста.

Теперь Лешка не сомневался в своем будущем и, весело глядя одним глазом на окружающий мир, быстро умял заботливо оставленный папой завтрак и, не обращая внимания на боль, отправился гулять.